

НИК
ПЕРУМОВ

КОЛЬЦО ТЬМЫ

ЭЛЬФИЙСКИЙ КЛИНОК

ЧЕРНОЕ КОПЬЕ

АДАМАНТ ХЕННЫ

НИК ПЕРУМОВ

ЭЛЬФИЙСКИЙ
КЛИНОК

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П26

В оформлении обложки использована
работа художника *А. Матвеева*

Разработка художественного оформления
В. Матвеевой

Перумов, Ник.
П26 Эльфийский клинок / Ник Перумов. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 512 с.

ISBN 978-5-04-091703-7

Перед вами первая книга трилогии «Кольцо Тьмы», ставшей, с одной стороны, творческим продолжением «Властелина колец» Дж.Р.Толкиена, а с другой — явлением в мире русской фэнтези, открывшей читателям имя ныне знаменитого фантаста Ника Перумова. Спустя триста лет после окончания Войны за Кольцо в путь через Средиземье отправляется неутомный хоббит Фолко Брендибэк, которому на роду написано не только повторить подвиг своих знаменитых предшественников, но и стать ключевой фигурой в событиях, грозящих страшными переменами этой прекрасной земле. Ибо уже родились те, кого неуничтожимое Зло изберет орудием своего нового наступления.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091703-7

© Перумов Н., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

Дрогнет Запад, и дрогнет Восток.
Сила, Сила в Руке.
Девять Звёзд — Синий Цветок,
Синий Цветок на Клинке.

Часть первая

ГЛАВА 1

ХОББИТ И ГНОМ

К вечеру затянувшие всё небо тучи неожиданно разошлись. Алый солнечный диск, точно на перину, прилёг у горизонта на лёгкие, воздушные облака, на багровом небосклоне чётко обрисовались острые чёрные вершины Лунных гор. Наступал тот короткий час, когда день ещё не до конца сменяется сумерками, но очертания предметов уже приобрели необъяснимую, таинственную расплывчатость. И даже вечерние крики петухов становятся мягче и благозвучнее.

Недавно убранные поля накрыл серебристый туман. Выплеснувшись из низин и оврагов, он растёкся окрест, превращая одиноко стоящие столетние дубы в тёмные острова посреди белёсого призрачного моря. В окнах разбросанных тут и там ферм постепенно погасли огни — хозяева укладывались спать. Ухнул филин, мелькнула стремительная тень козодоя. На мосту через Брендивин заперли ворота. Южнее, в Бэкланде, на высокую сторожевую вышку во дворе Брен-

ди-холла, вскарабкался часовой-хоббит с луком и полным колчаном стрел. Поправив сигнальный рожок у пояса, он принялся мерить шагами ограждённую толстыми брёвнами дозорную площадку. В нескольких милях к востоку угрюмо темнела сплошная стена Старого леса, протянувшегося далеко на юг и восток. Караульщик поплотнее закутался в шерстяной плащ и опёрся на перила, вглядываясь в стремительно поглощаемую сумраком даль. Позади первых деревьев леса ещё угадывался просвет Пожарной прогалины, но и его быстро заливал сумрак. На небе высыпали по-осеннему яркие звёзды.

Караульщик на вышке обернулся, внезапно заслышав лёгкие шаги во дворе усадьбы. Из боковой двери вынырнула небольшая даже по невеликим хоббичьим меркам фигурка, приоткрывшая ворота конюшни и тотчас же юркнувшая внутрь. Вскоре хоббит вывел осёдланного пони, сел на него и не торопясь потрусил к ведущей на север дороге. Туман быстро поглотил его.

«Ну что ж, обычное дело, опять этот чокнутый по ночам шляется! — Караульщик ухмыльнулся и сплунул. — Совсем, видать, задурил себе голову этими сказками!.. Начитался Красной Книги, и вот вам, пожалуйста... Что, лавры Мериадока Великого покоя не дают? Уж сколько лет минуло: поди, века три будет... И старый Бильбо, и племянничек его, Фродо, за гремящие Моря ушли... Чего теперь-то? И эльфы уплыли, говорят, и гномы куда-то сгинули... Люди и те стороной нас обходят... Чего ему неймётся?»

Мысли караульщика текли неспешно, лениво, как и само тягостное, от прошлых времён оставшееся дежурство...

Пони рысил по наезженной, давно известной дороге. Впрочем, известной ли? Ночь властной рукою смыла привычные краски, дав на время иную личину каждому предмету и каждому живому существу. Хищно тянутся с обеих сторон к всаднику узловатые ветки, точно когтистые лапы, норовят зацепить за плечи, вырвать из седла... Куст вырастает на глазах, разворачивается, распухает — не иначе как из зелёных глубин появится сейчас какая-нибудь тень с фонариком в бесплотной, бестелесной руке. Надо уметь ответить. На поясе у хоббита висел взятый тайком от старших заветный гондорский клинок — тот самый, что носил ещё сам Великий

Мериадок. С таким оружием бояться нечего — от одного его вида должна бежать любая нечисть.

Цок-цок, цок-цок. Всё гуще тьма; тени вдоль дороги выстраиваются в длинные ряды. Хоббиту кажется, что он узнаёт их. Вот — разве не стройный эльф-воитель приветственно машет ему рукой? Или разве вон там не опёрся на тяжёлый боевой топор неунывающий гном, беспечно раскуривший трубочку?..

Хоббит давно бросил поводья, и пони брёл сам по себе... Ничего не было лучше этих одиноких прогулок летними ночами, когда оживают старинные сказки и предания, когда в любую минуту ожидаешь нападения, когда рука сама тянется к эфесу...

Под развесистыми вязами дорога делала крутой поворот. Здесь было самое страшное место. Слева сквозь заросли пробивался призрачный блеск глубокого, тёмного пруда, окружённого густым ивняком. Здесь всегда собирались ночные птицы: их странные, непривычные для хоббичьего слуха голоса раздавались особенно громко. Но для замершего в седле всадника это свистела и гукала глумливая свита Девятерых, возвещающая их скорое появление. Хоббит закрыл глаза и представил их себе: чёрные кони, точно сотканные из мрака, в плотных наглазниках — внутри их горит колдовской огонь, их взгляды нельзя выпускать наружу — мчатся, мчатся сквозь ночь, ветер рвёт чёрные плащи Всадников, бьются о бёдра длинные бледные мечи, от которых нет ни защиты, ни спасения, неистовой, неподской злобой горят пустые глазницы, а чутьё жадно ищет запах свежей крови... Вот-вот свита умолкнет, заросли бесшумно раздвинутся, и хоббит окажется лицом к лицу с Предводителем Чёрных Всадников. Жутко и заманчиво! Заманчиво оттого, что в глубине души хоббит знал: ничего подобного не случится, кусты останутся неподвижными, и, спокойно миновав это место, он повернёт назад, чтобы успеть выспаться перед трудным, полным домашних хлопот днём. Будет обычно-размеренная жизнь, в которой всё известно заранее и ничто не меняется и измениться не может...

Пони внезапно всхрапнул и остановился. В освещённом лунным светом проёме между стволами возникла коренастая фигура, на две головы выше хоббита. Неизвестного окутывал

плотный плащ, так что видна была только отставленная в сторону рука с длинным посохом.

Волосы у хоббита встали дыбом. Его охватил леденящий сердце ужас, голос пресёкся, крик умер на губах... Неизвестный сделал шаг вперёд. Пони попятился, дёрнулся — и потерявший равновесие хоббит покатился в придорожную траву. Раздался торопливый перестук копыт — пони проворно удирал куда глаза глядят. Забыв обо всём на свете, хоббит перекатился на живот и вскочил, обнажив меч. (Сколько раз у себя в комнатке он гордо выхватывал его из ножен, воображая, что сражается с орком или троллем!) Оружие тускло блеснуло, придав хоббиту храбрости.

— Эй, приятель! Ты что, белены объелся? Спрячь клинок! — раздался из темноты спокойный, чуть гортанный голос.

— Не подходи! — взвизгнул хоббит, отступая и выставив перед собой меч.

— Стой спокойно! Сейчас огня высеку. — Неизвестный нагнулся, что-то собирая на обочине. — Да убери же свой кинжал!.. Кстати, откуда он у тебя? Волнистый узор... рукоять с зацепом... Гондорский никак?

Что-то сухо щёлкнуло, блеснуло, и появился тонкий язычок живого огня. Пламя быстро разгоралось, осветив лицо незнакомца, наконец откинувшего капюшон. Хоббит с облегчением перевёл дух. Гном! Самый настоящий гном, точь-в-точь такой, как описаны они в Красной Книге! Плотный, широкоплечий, румяное лицо обрамляет окладистая борода, нос картошкой... За узорным широким поясом — тяжёлый боевой топор, за спиной приторочена кирка.

— Так ты гном? — Хоббит немного успокоился, но меча не опустил. — Откуда ты здесь? Куда идёшь? Что ты ищешь?

Он продолжал пятиться, и в затылок ему уткнулись жёсткие ветки придорожного кустарника.

— Иду с Лунных гор. — Гном возился с костерком, подкладывая в огонь сухие веточки. — Новые рудные жилы ищу. Сейчас вот хожу по вашей Хоббитании, был в Хоббитоне, в Делвинге был, теперь вот в Бэкланд иду... Мне усадьбу Брендибэков с того берега указали, говорят, там переночевать можно...

— А что же они уложить тебя не могли? — подивился хоббит, вкладывая меч в ножны.

Страх прошёл, оставалось любопытство и какое-то неясное разочарование: всего-навсего гном... Впрочем, и гномы-то теперь почти перестали захаживать в Хоббитанию.

— В «Золотом пестике» битком набито, — отозвался гном.

— Так что же мы тут стоим? — спохватился хоббит. — Пойдём, я как раз в этой усадьбе живу. Переночуешь, а завтра — куда угодно будет. Идём! Тут недалеко... Правда, пони сбежал, вот незадача. Ищи его теперь...

— Так ты из Брендибэков? — Гном вдруг поднялся и с острым интересом глянул на хоббита. — Ну давай знакомиться. Торин, сын Дарта, а родом я с юга Лунных гор.

— Фолко, Фолко Брендибэк, сын Хэмфаста, — к вашим услугам. — Хоббит церемонно поклонился, и гном ответил ему ещё более низким поклоном.

— Сейчас пойдём, — сказал гном.

Он нырнул в кусты, вытащил оттуда увесистую котомку, закинул её за спину и зашагал рядом с хоббитом по вновь погружившейся во мрак дороге. Только теперь она не казалась хоббиту ни волнующей, ни опасной...

Они молчали. Тишину первым нарушил Торин:

— Скажи, Фолко, правда ли, что у вас в Бренди-холле хранится одна из трёх копий знаменитой Красной Книги?

— Правда, — несколько озадаченно ответил юный хоббит. — И она, и много ещё...

Он вдруг осёкся, вспомнив предостережения дядюшки Паладина: «Никому не рассказывай, что у нас хранится много рукописей, привезённых Великим Мериадоком из Рохана и Гондора!» Дядюшка никогда не объяснял, почему нужно поступать именно так; обычно он подтверждал весомость своих слов звонким подзатыльником.

— И много ещё чего? Ты это хотел сказать? — подхватил гном, заглядывая хоббиту в лицо.

Тот невольно отвернулся.

— Ну, что-то вроде этого, — нехотя буркнул он.

— Скажи, а ты читал эти книги? — не отставал гном.

Теперь уже не только взгляд, но и голос Торина обнаруживал его необычайный интерес к Фолко.

Хоббит заколебался. Рассказать всё этому странному гному? Рассказать, что он единственный, кто за последние семь лет входил в библиотеку? Рассказать, как ночи напролёт проводил он, склонившись над старинными фолиантами,

пытаясь разобраться в событиях невообразимо далёкого прошлого? Рассказать, что он заслужил себе дурную славу хоббита «не от мира сего»? Нет, не сейчас, да и неловко как-то говорить такое первому встречному...

Они подошли к воротам усадьбы. Пони так и не появился.

«Лазай завтра по оврагам и запольям, ищи дурака этого, — уныло подумал хоббит, — да ещё уши надерут...»

Он совсем грустит.

— Фолко, ты, что ли? — раздался голос караульщика. — Куда пони, разбойник, подевал?! Кто там ещё с тобой?

Фолко толкнул калитку и вошёл, не обращая никакого внимания на окрик. Однако Торин остановился и, вежливо поклонившись, сказал, обращаясь к неясной фигуре на вершине караульной вышки:

— Торин, сын Дарта, гном с Лунных гор, — к вашим услугам. Прошу вашего любезного разрешения заночевать под этим гостеприимным кровом, известным далеко за пределами вашей прекрасной страны! Смилуйтесь над уставшим путником, не оставляйте его под открытым небом!

— Не обращай на него внимания! — зашипел Фолко, хватая гнома за руку. — Иди, и всё тут, пока он весь дом не поднял на ноги! Ну давай!

— Эй, Крол, что тебе неймётся? — крикнул Фолко караульщику. — Он со мной, и всё в порядке. Как бы твоя трубка не погасла за разговорами!

Хоббит решительно потянул гнома через двор.

— Всё завтра дядюшке скажу! Завтра дядюшка всё узнает! — завопил обиженный Крол. — Он тебе покажет...

Но в этот момент хоббит со своим странным спутником уже скрылся в недрах огромного лабиринта усадьбы. Караульщик ругнулся, плюнул... а потом поправил соломенный тюфяк, устроился на нём поудобнее, и вскоре дозорную площадку огласило сладкое посапывание.

По длинным коридорам Фолко и Торин прошли мимо бесчисленных низких дверей в западную часть усадьбы. Облепившие склоны холма бревенчатые срубы в три яруса нависали над берегом Брендивина, образуя нечто похожее на пчелиные соты. Здесь обычно селилась молодежь, пока не обзаведшаяся семьями.

Фолко толкнул одну из дверей, и они вошли в небольшую комнату с двумя круглыми окнами, выходившими на реку.

Усадив гостя в глубокое кресло у камина и раздув огонь, Фолко засуетился, собирая на стол.

В закопчённом камине заплясали рыжие язычки пламени, озарившие стены, небольшую кровать, стол — и книги. Книги занимали всё свободное место — они заполняли углы, лежали под кроватью, громоздились на каминной полке. Старые увесистые фолианты в кожаных переплётах...

Фолко принёс хлеба, сыра, ветчины, масла, зелени, вскипятил чайник и достал откуда-то из тайника початую бутылку красного вина. Гном ел торопливо, и Фолко, чтобы не мешать гостю, отвернулся к окну.

Призрачный лунный свет заливал низкие берега Брендивина, вода катилась угрюмой чёрной массой, в которой, казалось, тонули даже отражения звёзд. На другом берегу высились острые вершины деревьев Лесного удела, у пристани едва заметно мерцал фонарь. Фолко распахнул окно, и в комнату ворвались голоса ночи: едва слышный плеск реки, шорох прибрежного камыша, лёгкое, но слитное гудение ветра в тысячах крон, которые жили сейчас своей особой, ночной жизнью. И как всегда в такие минуты, хоббита охватила острая, непонятная тоска по чему-то необычайному...

Он представил себе, как уходили в свои, ставшие знаменитыми, странствия Бильбо и Фродо; наверное, вот так же стояли они у раскрытого в ночь окна и вглядывались в окружающий сумрак, — а на дворе уже ждут гномы или друзья-хоббиты, и остаются считанные часы до рассвета, когда надо отправляться в путь и никто не знает, суждено ли тебе вернуться...

За спиной раздалось деликатное покашливание гнома. Фолко встряхнулся, отгоняя непрощеную печаль, и повернулся к закончившему ужин гостю. Затем они подбросили в камин дров и раскурили трубки.

— Расскажи, Торин, что же привело тебя в наши края? Рудных жил у нас отродясь не было... — спросил Фолко.

Всё происходящее представлялось ему чудесным сном, волшебной сказкой, примчавшейся из тьмы далёких и удивительных лет. Гном! Самый настоящий гном сидит перед ним и сосредоточенно посасывает трубку!.. Пламя озаряет его круглое открытое лицо, и кажется, что вот приподнимется серая завеса, застывшая взоры, что протяни Фолко сейчас

руку — и он прикоснётся к удивительным тайнам Большого Мира, о котором знал до сих пор лишь понаслышке...

По тёмной, скупо освещённой светом камина комнате плыл сладковатый табачный дым. За открытыми окнами ступала ночь, на ходу заглядывая в освещённые проёмы, но теперь её таинственные голоса не пугали хоббита. Может, встреча эта неспроста — и за ней последует какое-нибудь замечательное путешествие, подобное тому, в которое отправился старый Бильбо — за драконьими сокровищами... Тогда ведь всё тоже началось с неожиданного посещения гномов!

— Мне нужна Красная Книга, — ответил гном, глядя в упор на Фолко.

Хоббит вздрогнул, словно внезапно разбуженный; слова Торина его озадачили.

— Зачем она тебе?

— Да вот хочу разобраться. Хочу узнать, как наш мир принял свои нынешние очертания, — ответил Торин. — В Средиземье происходит так мало изменений, что причины многих теперешних событий надо искать не столько в настоящем, сколько в прошлом.

— В каких же событиях ты хочешь разобраться? У нас в Хоббитании время как будто остановилось. Не знаю, конечно, как в других местах...

— Там тоже многим бы хотелось, чтобы ход событий замер и жизнь застыла. Многим очень долго казалось, что наступил золотой век...

Фолко забрался с ногами в кресло и устремил заблестевшие глаза на гнома. Тот задумчиво смотрел в огонь и привычно щурился, точно стоя перед горном; затем он продолжил, медленно роняя слова:

— В нашем мире происходит что-то не то, Фолко. Мы, гномы, уже давно это почувствовали. Но мало кто мог представить, к чему всё идёт. Мир казался незыблемым и прочным, зло — избытком навеки, а странные и пугающие события — всего лишь досадными недоразумениями. Всё началось в Морийских копиях. Как ты знаешь, вскоре после победы в Великой Войне за Кольцо гномы вновь населили дворцы своих предков; в заброшенных кузнях, как и встарь, застучали тяжёлые молоты; гномы жадно устремились в глубь земли, охотясь за ускользящими рудными жилами. И всё шло своим чередом, как вдруг...

Долгий, заунывный вой внезапно нарушил ночное безмолвие. Полный нечеловеческой тоски стон прокатился по тёмным берегам Брендивина и замер в отдалении. Хоббит с гномом вздрогнули и переглянулись.

За окнами прошуршал налетевший порыв ветра; скрипнули ставни, где-то хлопнула неплотно прикрытая дверь; внизу, под берегом, сухо и шепеляво, словно древний старик, зашелестел тростник. Хоббит съёжился в кресле; в одно мгновение ожили все его страхи, он вспомнил, как дрожа ожидал появления Девятерых на тёмной дороге... Гном вскочил и бросился к окну, высунувшись чуть ли не по пояс, он тщетно пытался что-нибудь разглядеть во мраке. Однако всё стихло, улёгся поднявшийся было ветер, из-за лёгких облаков выглянула бледная луна. Гном насторожённо огляделся и снова сел к камину, задумчиво раскуривая притухшую трубку.

— Что это было? — Торин поднял глаза на Фолко.

— Откуда мне знать? — Хоббит пожал плечами. — В Красной Книге сказано... Но нет, нет, этого уж никак не может быть! Наверное, какая-нибудь птица...

— Птица, говоришь... — проворчал гном. — Не слыхал я что-то о таких птицах... Такой же вой я слышал третьего дня, когда шёл мимо Мичел-Делвинга... И тоже ночью!

Хоббиту сказать на это было нечего. Помолчав, Торин продолжил:

— Значит, я остановился на том, что гномы вновь стали работать в старых шахтах. Они уходили всё глубже и глубже, и вот однажды в одном из нижних забоев они услышали в недрах непонятные звуки и странное шевеление. Снизу доносился какой-то скрежет, точно кто-то вгрызается в камень. Внезапно задрожали самые корни гор. Гномы побросали кирки и бросились наверх — однако своды стали рушиться, погребая под обломками дерзнувших потревожить покой каменных глубин. На поверхность удалось выбраться немногим. Сам я в Мории не бывал и рассказываю тебе это со слов моих друзей, бежавших оттуда. Тамошним гномам стали грозить не только обвалы — непонятный и леденящий страх охватил всех, кто жил тогда там. Этот страх невозможно было преодолеть, подземный скрежет каких-то гигантских зубов гасил сознание, и оставалось только одно — бежать. «Гномы покидают Морию», — сказали мне друзья. Они уходят кто куда, но большей частью — к Одинокой горе и в Железные